

Возможно, эти чисто случайные переключки могли показаться Пушкину любопытными (если не курьезными). Но абстрагированный до предела сюжет французского «Мазепы», явная ставка на поэтический орнамент, небрежение к реалиям, конечно, не могли быть созвучны поискам русского поэта. Подходы к образу Мазепы у Пушкина и Гюго настолько различны, что разница практически исключает диалог между авторами (и текстами). Сколько нам известно, никто из критиков не сопоставлял две одновременно созданные поэмы, объединенные одним историческим персонажем. Слишком непохожее направление приняли мысли великих поэтов.

Примечания

¹ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1: (1813—1824). М.; Л., 1956; Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л., 1961.

² См.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 200—220.

³ *Слонимский А.* Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 274.

⁴ *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. С. 203.

⁵ *Алексеев М. П.* Виктор Гюго и его русские знакомства (Встречи, письма, воспоминания) // Лит. наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 792.

⁶ *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. М., 1956. С. 7.

⁷ Там же.

⁸ *Дюма А.* Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 128.

⁹ *Гюго В.* Собр. соч. Т. 14. С. 8.

¹⁰ См.: *Борщак І., Мартель Р.* Життя і пориви великого гетьмана. Київ, 1991. С. 131—134.

¹¹ *Hugo V.* Oeuvres completes. Poesie. Paris, 1880—1882. V. 2. P. 179—185.

¹² *Горленко В. П.* Южнороссийские очерки и портреты. Киев, 1898. С. 133—134.

¹³ *Напивайко Д. С., Шахова К. О.* Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму: Підручник. Київ, 1997. С. 167.

¹⁴ См.: *Орехов В. В.* Виктор Гюго о Крымской войне // Пилигримы Крыма-98: Международная научно-практическая конференция. Материалы. Симферополь, 1998. С. 131—143.

¹⁵ *Гюго В.* Собр. соч. Т. 14. С. 382.

Т. А. Китанина

(Санкт-Петербург, Россия)

ЕЩЕ РАЗ О «СТАРОЙ КАНВЕ»

(Некоторые сюжеты «Повестей Белкина»)

Известную цитату из «<Романа в письмах>» о вышивании новых узоров по старой канве давно принято считать пушкинской художественной программой, реализованной в «Повестях Белкина». Литера-

турным источникам белкинского цикла посвящено достаточно много исследований, и ближайшие источники основных сюжетных линий описаны весьма подробно¹, поэтому на этот раз речь пойдет о другом. По-видимому, когда мы говорим о «старой канве», нужно иметь в виду не только прямые ассоциации с отдельными литературными произведениями, но и некоторые сюжетные парадигмы, существующие в культуре описываемого периода и вызывающие у читателя определенные сюжетные ожидания. Так, если герою предсказана гибель, а повесть закончится его свадьбой и благополучием, это будет нарушением сюжетных ожиданий для повести 20-х гг. XIX в., но, вероятно, не будет таковым для современного рассказа. Для того, чтобы оценить подобные сюжетные ожидания, нужно иметь статистику реализаций разных вариантов того или иного сюжета в данной литературной традиции. И если речь идет о достаточно устойчивых схемах, менее значимым (на сюжетном уровне) становится вопрос о том, читал ли тот или иной автор то или иное произведение, поскольку существующее в культуре клише, вероятнее всего, так или иначе существует в сознании писателя, принадлежащего этой культуре.

В этом сообщении мы остановимся на сюжетах о воспитании — одной из важных сюжетных парадигм пушкинского времени, следы которой просматриваются в трех белкинских повестях — «Станционном смотрителе», «Метели» и «Барышне-крестянке».

В 1810—1820-е гг. Россия переживала очередной период повышенного интереса к проблеме образования и воспитания детей. Этот интерес проявлялся на разных уровнях — от служебных записок о народном образовании до полемических статей в журналах². Не осталась равнодушной к этой теме и литература: истории о правильном и неправильном воспитании и его результатах были очень распространены в России. За эти тридцать лет на русском языке было опубликовано более сорока повестей, реализующих подобные сюжеты. Причем двадцать из них напечатаны в «Вестнике Европы» Каченовского и «Библиотеке повестей и анекдотов», включавшей много текстов, ранее уже печатавшихся в «Вестнике Европы». Это не случайность. Французское Просвещение уделяло большое внимание проблемам воспитания и обучения и породило целые педагогические системы, не говоря уже о философских течениях, увлекавших, как и все новое, в первую очередь молодежь. Поэтому после Французской революции, когда пришло время осмысления происшедших событий и их причин, «философское» воспитание подверглось самым жестоким нападкам³. Слово «философ» стало ругательством, синонимом понятий «развратник», «безбожник», «негодяй»⁴. И пошла волна литературы, изображающей печальные последствия этого пагубного воспитания или невнимания родителей к воспитанию детей, что во многих случаях означало, что родители позволяют детям читать что попало. Одновременно эта литература стремилась продемонстрировать положитель-

ную программу — патриархальное и религиозное домашнее воспитание. Эту-то волну и подхватил «Вестник Европы».

До России волна воспитательных повестей докатилась с некоторым опозданием и пришлась ко двору, но несколько видоизменилась. Главным источником зла стали иностранные книги и учителя-иностранцы, которые развращают детей,водя их по театрам, садам и местам светских увеселений⁵. Иностранцам противостояли верные крепостные дядьки и няни, а также добродетельные родители, живущие в своих поместьях, вдали от столиц, и сами воспитывающие детей⁶.

Очевидно, что в сюжете о воспитании и его результатах заложены три простейших логических возможности выражения заданной идеи: можно изобразить *правильное* воспитание и его следствие — благополучие героя; можно показать *неправильное* воспитание и те несчастья, которые оно навлекает на героя; наконец, можно для убедительности (чтобы никто не усомнился, что дело именно в воспитании) показать рядом *оба варианта*.

Первый вариант сюжетно наименее продуктивен и в чистом виде встречается довольно редко⁷. Чаще он возникает в контаминации с сюжетом об обольщении, который и составляет ядро повести, тогда как история правильного воспитания отступает на второй план, мотивируя правильное поведение героини при попытке ее обольстить⁸. Начало «Станционного зрителя» вызывает ожидание именно этого варианта сюжета: отец воспитывает любимую дочь в своей «смиренной, но опрятной обители», среди нравоучительных картинок, приучая ее вести хозяйство. То есть выполнены четыре основные условия «правильного» воспитания: скромность, родительское попечение, религиозные ценности, хозяйственные обязанности. Это ожидание поддерживается и названием повести, отсылающим к «Станционному зрителю» Карлгофа (Славянин. 1827. № 7), где нарисована идиллическая картина жизни просвещенного зрителя, чьи дети растут на лоне природы, под руководством доброго отца, который наслаждается тем, что должность дает ему возможность служить людям. Однако Дуня («маленькая кокетка») — не сельское невинное дитя. Она воспитана трактом, на котором выросла, знает свою красоту и умеет ею пользоваться для усмирения проезжающих. Она легко соглашается на тайный поцелуй в сенях, демонстрируя «неправильное» в рамках сюжета поведение по отношению к «обольстителю». Тем самым сюжетное ожидание не оправдывается еще до появления Минского и в дальнейшем повествовании используются уже другие сюжетные схемы — сюжет о воспитании в рамках этой повести исчерпан.

Второй вариант сюжета о воспитании — повести о неправильном воспитании и его пагубных последствиях. Все повести о неправильном воспитании в моей картотеке — русские, и во всех, как уже говорилось, неправильное воспитание — это воспитание иностранными учителями и книгами. Мальчикам они внушают непочтительное отношение к родителям, России и религии, девочкам — любовь к романам

и светским развлечениям. Мужской вариант сюжетно достаточно сложен, в то время как в женском варианте героиня, воспитанная на романах, подвергается опять же только одному испытанию — встрече с обольстителем⁹. Результат может быть один из двух: либо героиня становится жертвой обольстителя из-за своего неправильного воспитания, либо хорошее начало в ней берет верх над неправильным воспитанием и тогда она обретает счастье. Для второго финала ей необходима помощь добродетельного (и, конечно, выросшего в патриархальном семействе) жениха, выбранного родителями. В этих сюжетах (и в мужском и в женском варианте), в отличие от большинства тривиальных текстов того времени, любовь к неровне трактуется всегда отрицательно. В «Добром отце» Глинки для того, чтобы сбить юношу с пути истинного, учитель ведет его в театр на вольтеровскую «Нанину», в которой граф женится на крестьянке. Бедная возлюбленная или возлюбленный в этих текстах обычно оказываются авантюристами, увлекающими героев, воспитанных неправильными книгами, в свои сети. В любом случае попытка построить свое «романическое» счастье с неровней вопреки воле родителей приводит героев повестей о неправильном воспитании к несчастью (Глинка С. «Добрый отец»; Пучкова Е. «Эдуард и София, или Жертва страсти и обольщения»; Федоров Б. «Две повести в одной»). Начало «Метели» очевидно адресует к этому клише («Мария Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена»). В соответствии с сюжетными ожиданиями читателя, мысль обойтись без благословения «жестоким родителям» «понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны», и результатом наивной веры героев в то, что жизнь тождественна романам, становится крушение. Однако во второй части повести происходит нечто, идущее вразрез с читательскими ожиданиями. Вместо того чтобы осознать свои ошибки (тем более в подчеркнутой атмосфере всеобщего послевоенного патриотизма), Марья Гавриловна вторую свою любовь строит вновь с ориентацией на французские романы. Но если в первой части герои не видят книжности своего поведения и искренне проживают свои роли, то умудренные опытом и обладающие тайной Бурмин и Марья Гавриловна второй части сознательно строят книжные положения и мизансцены и легко распознают цитатность в поведении друг друга. «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках, и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением» (VIII, 85). Здесь уже герои демонстрируют полное падение с точки зрения нравоучительной литературы: они сознательно увлекают друг друга, заранее зная, что брак между ними невозможен. И именно на этом сверхнеправильном пути герои обретают неожиданное и, казалось, совершенно невозможное в их положении счастье.

Начало «Барышни-крестьянки» (описание противостояния двух соседей-помещиков — англомана Муромского и хозяйственного русского «медведя» Берестова) также готовит читателя к сюжету о гибельных последствиях, к которым приводит мода доверять детей иностранным гувернанткам, а имения — иностранным управляющим. Лиза к тому же еще «балованное дитя», чьи «поминутные проказы восхищают отца». Такое воспитание, с точки зрения логики рассматриваемых сюжетов, прямо ведет к гибели. Единственное, что может спасти подобную героиню, это жених, выращенный истинно русским патриархальным отцом. Однако оказывается, что воспитанная английской гувернанткой Лиза прекрасно умеет говорить «по-здешнему» (то есть по-крестьянски) и легко входит в роль русской крестьянки, в то время как сын «русофила» Берестова является в байроническом образе и не справляется с ролью камердинера. С другой стороны, Лиза первоначально заинтересовалась по рассказам именно «байроническим» Алексеем, а он влюбился в Лизу-крестьянку. Да и сами отцы, преодолев волею случая давнюю вражду, обнаружили, что им есть о чем поговорить, что вспомнить, и нашли друг друга вполне достойными не только дружбы, но и свойства. Принципиальное противостояние оказывается лишь прихотью, маской двух вполне русских помещиков. Таким образом, третий вариант сюжета о воспитании — «Две школы», где показываются рядом правильное и неправильное воспитание и их последствия, также оказывается перевернут и перепутан.

Итак, мы рассмотрели все три предложенные в начале возможности (правильное воспитание, неправильное, две школы), но не рассмотренной осталась еще одна сюжетная схема, тесно связанная с проблемой воспитания. Это сюжеты о *перевоспитании*. Здесь исходной ситуацией будет наличие у героя некоторого недостатка. Недостаток в таких повестях бывает трех типов: 1) глупое или опасное пристрастие или свойство у хорошего в принципе героя (героини); 2) герой (героиня) вообще развращенный человек; 3) герой не любит свою жену или невесту и изменяет ей. В зависимости от типа недостатка используются разные способы его исправления.

Нас интересует третий вариант недостатка — отсутствие у мужа или жениха любви к жене или невесте и его измена. В этих текстах перевоспитывается всегда мужчина и всегда одним способом — жена или невеста переодевается, перевоплощаясь в объект внимания неверного мужа, и, оставаясь неузнанной, вторично завоевывает его. Здесь сюжет о перевоспитании тесно переплетается с сюжетом о переодевании барышни крестьянкой или служанкой, распространенным в комедии и водевиле¹⁰, который к 1830 г. прочно обосновался в прозе, превратившись в клише¹¹. Переодевание в повестях этого времени встречается в трех функциях: 1) героиня по не зависящим от героя причинам вынуждена скрываться под крестьянской маской (этот вариант нас сегодня не интересует); 2) потенциальная невеста испытывает жениха, чтобы узнать, способен ли он полюбить ее без богатства и по-

ложения; 3) перевоспитание. Посмотрим, как соотносится пушкинский текст с традиционными схемами. В традиционном варианте переодевания для испытания героиня преобразуется в *менее* привлекательный для жениха объект, заставляя его преодолевать трудности не только внешние (положение в свете), но и внутренние — нужно разглядеть за бедной (то есть непривлекательной, не украшенной) наружностью душевное богатство. Переодевание в этом случае противоположно соблазнению, основанному на внешнем блеске, поэтому в интригу, как правило, оказывается вовлечена добродетельная матушка («Сватовство наоборот» А. Лафонтена, «Счастливая недоверчивость») или, в крайнем случае, добрый отец («Миниатюрный портрет» А. Лафонтена) — гаранты невинности происходящего. Намеренно перевоплощаться в *более* привлекательный для героя объект, то есть *завоевывать* мужчину героиня могла лишь в том случае, если она уже имела неоспоримое право на его любовь — то есть была его женой или нареченной невестой. Здесь завоевание любви, как мы видели, — это акт перевоспитания, а не соблазнения, поэтому здесь допустимы любые превращения, даже крестьянки в дворянку, как в «Отеческом наказании» Панаева¹². В повести Петра Макарова «Мнимая арапка» жена, оставленная мужем ради любовницы-креолки, перекрашивается в черный цвет и проникает к нему в роли африканской невольницы. В этом случае, поскольку герой хорошо знает героиню, она оказывается перед двойной задачей: стать привлекательной и остаться неузнанной. Для этого широко используется цвет: блондинка становится брюнеткой, белолицая — смуглой (или даже арапкой).

В «Барышне-крестьянке» идея переодевания приходит в голову героине после Настинного рассказа о том, как Алексей, который «не смотрит» на барышень, «уж слишком смотрел» на крестьянку Настю и «никого не обидел» из ее подруг («такой баловник!»). Таким образом, Лиза надевает костюм, в котором легче привлечь внимание и познакомиться с молодым Берестовым (и в котором с ней не будут «церемониться»). Тем самым нравоучительная мотивировка завоевания мужчины снимается, и затея предстает романической и несколько рискованной шалостью. О таких проказах не сообщают родителям — Лиза действует на свой страх и риск, поэтому вместо добродетельной маменьки около нее оказывается водевильная служанка-наперсница Настя. Только после завоевания героя сюжет поворачивает в сторону испытания — Лиза не открывает Алексею своей тайны, ожидая, чтобы он сделал предложение крестьянке. Это уже другой вариант сюжетного клише. Но и здесь нравоучительная мотивировка уступает место женскому тщеславию и книжной мечтательности («...самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца» — VIII, 117). Только завоевав любовь героя, героиня до некоторой степени оказывается в позиции, дающей ей по законам клише право на это завоевание, — в позиции невесты. К моменту званого

обеда, на котором Лиза должна быть представлена молодому Берестову, речь о свадьбе еще не идет, но оба отца уже имеют в виду эту возможность. И тут сюжетное клише с переодеванием используется в третий раз, уже окончательно вывернутое наизнанку. Невеста переодевается, чтобы *не завоевать* любви жениха. Лиза, в соответствии с каноном, перекрашивается при втором «знакомстве» с Алексеем — но поскольку она уже любима в обличии смуглой крестьянки, то ее задача противоположна задаче ее литературных предшественниц: оставаясь неузнанной, она должна стать менее привлекательной — и она из «необычной» крестьянки превращается в «обычную» разодетую и кокетливую уездную барышню, на которых (она это уже выяснила) Алексей не обращает внимания. Теперь ее «светская» маска соответствует его маске «разочарованности в свете». То, что не удалось Алексею при первой встрече — «уравнять их отношения», назвавшись камердинером, — удастся Лизе при втором знакомстве.

Итак, мы видим, как Пушкин, задавая начальные ситуации, хорошо известные его читателям, провоцирует их на определенные сюжетные ожидания и каждый раз обманывает их самым неожиданным образом. Конечно, та группа сюжетов, о которой мы сегодня говорили, находится в «Повестях Белкина» на периферии, создавая лишь некоторые смысловые нюансы. Однако вопросы воспитания и связанные с ними литературные и культурные клише не раз вызывали ответные реплики в творчестве Пушкина. Вспомним хотя бы:

Monsieur l'Abbé, француз убогой,
 Чтоб не измучилось дитя,
 Учил его всему шутя,
 Не докучал моралью строгой,
 Слегка за шалости бранил,
 И в Летний сад гулять водил.
 (VI, 6)

Примечания

¹ Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 94—207; Вацуро В. Э. Повести Белкина // Пушкин А. С. Повести Белкина. М., 1981. С. 7—60. С. 325—368 — примеч., с. 369—373 — библиография; Вольперт Л. И. Пушкин и французская комедия XVIII века // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 168—187; Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. С. 63—87; Хализев В. Е., Шешунова С. В. Литературные реминисценции в «Повестях Белкина» // Болдинские чтения [1984]. Горький, 1985. С. 28—45 и др.

² Например: О воспитании // В удовольствие и в пользу. 1811. Ч. 2. С. 170—179; О новой методе воспитания, изобретенной Песталоццием, швейцарским педагогом // Вестник Европы. 1806. Ч. 27, № 11. С. 183—204; О воспитании девиц // Амфион. 1815. Кн. 9. С. 40—48; О необходимости первоначального воспитания // Вестник Европы. 1820. Ч. 112, № 16. С. 183—204 и др.

³ Ср., например: «Мы много веряемся методам, рассуждениям, анализам; мы хотим все объяснить и обо всем философствовать, и даже из грамматики делаем смешное наречие: вот действие философического ума! В учении *работа, упражнение и употребление* делают все — тут нет времени для умствований» (О воспитании // В удовольствие и в пользу. 1811. Ч. 2. С. 177).

⁴ Ср.: «Несчастная жертва новой философии от природы имела доброе сердце» (*Жанлис. Муж развратитель* // Вестник Европы. 1806. Ч. 29, № 17. С. 14); «Юлия, напитанная философическими правилами, час от часу более пленялась революциею» (Там же. С. 20); «Еще прежде революции сочинения *философов* поселили в нем величайшее презрение ко Франции» (Там же. С. 22); «Прилипчивая язва новой философии с невероятным стремлением разливалась в то время по Европе» (*Панаев В. Стихи и собака* // Благонамеренный. 1819. № 14. С. 77) и т. д.

⁵ Ср.: «...но то ли еще стало, когда учителя и гувернеры начали бродить с ним по садам, завозить в театры и маскарады» (*Федоров Б. Две повести в одной* // Невский альманах на 1826 год. С. 291).

⁶ *Глинка С. Добрый отец* // Глинка С. Русские исторические и нравоучительные повести. М., 1819. Ч. 1; *Глинка С. Добродетель побеждает мечты воображения* // Глинка С. Русские исторические и нравоучительные повести. М., 1820. Ч. 2; *Измайлов В. Обе школы, или Свет и уединение* // Вестник Европы. 1814. № 2—4; *Львов П. Дедовские кресла*. М., 1820; *Федоров Б. Две повести в одной*, и др.

⁷ Например: *Шаликов П. И. Полина* // Повести князя Шаликова. М., 1819; *Глинка С. Здравомысл и Пленира, воспитатели своих детей* // Глинка С. Русские исторические и нравоучительные повести. М., 1819. Ч. 1.

⁸ См., например, повесть неизвестного автора «Похищение» (Вестник Европы. 1812. № 14—15); *Г...в Д. Лиодор и Софья* // Вестник Европы. 1813. № 1—2 и др.

⁹ *Пучкова Е. Эдуард и София, или Жертва страсти и обольщения* // Первые опыты в прозе Катерины Пучковой, М., 1812; *Глинка С. Добродетель побеждает мечты воображения*; *Измайлов В. Обе школы, или Свет и уединение*.

¹⁰ О связи «Барышни-крестьянки» с комедийной традицией см.: *Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе*. Таллин, 1980. С. 154—164.

¹¹ Ср.: *Макаров П. Мнимая арапка* // Сочинения и переводы Петра Макарова. М., 1817; *Сарразен. Сплин, или Долина Лаутербрунн* // Вестник Европы. 1815. № 13—14; *Лафонтен А. Миниатюрный портрет* // Вестник Европы. 1826. № 14—16; <Б. а.> *Счастливая недоверчивость* // Благонамеренный. 1822. № 25 и др.

¹² *Панаев В. И. Отеческое наказание* // Благонамеренный. 1819. № 8.

Сергей Давыдов
(Миддлбери, США)

«НЕИЗЪЯСНИМЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ»:
ЭРОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ЕДИНСТВО
«МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ»

«В вопросе счастья я атеист», — заявил о себе Пушкин в ту осень, когда писались «Маленькие трагедии» (XIV, 123; подл. по-франц.). Болдинские «опыты драматических изучений» всецело посвящены

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003